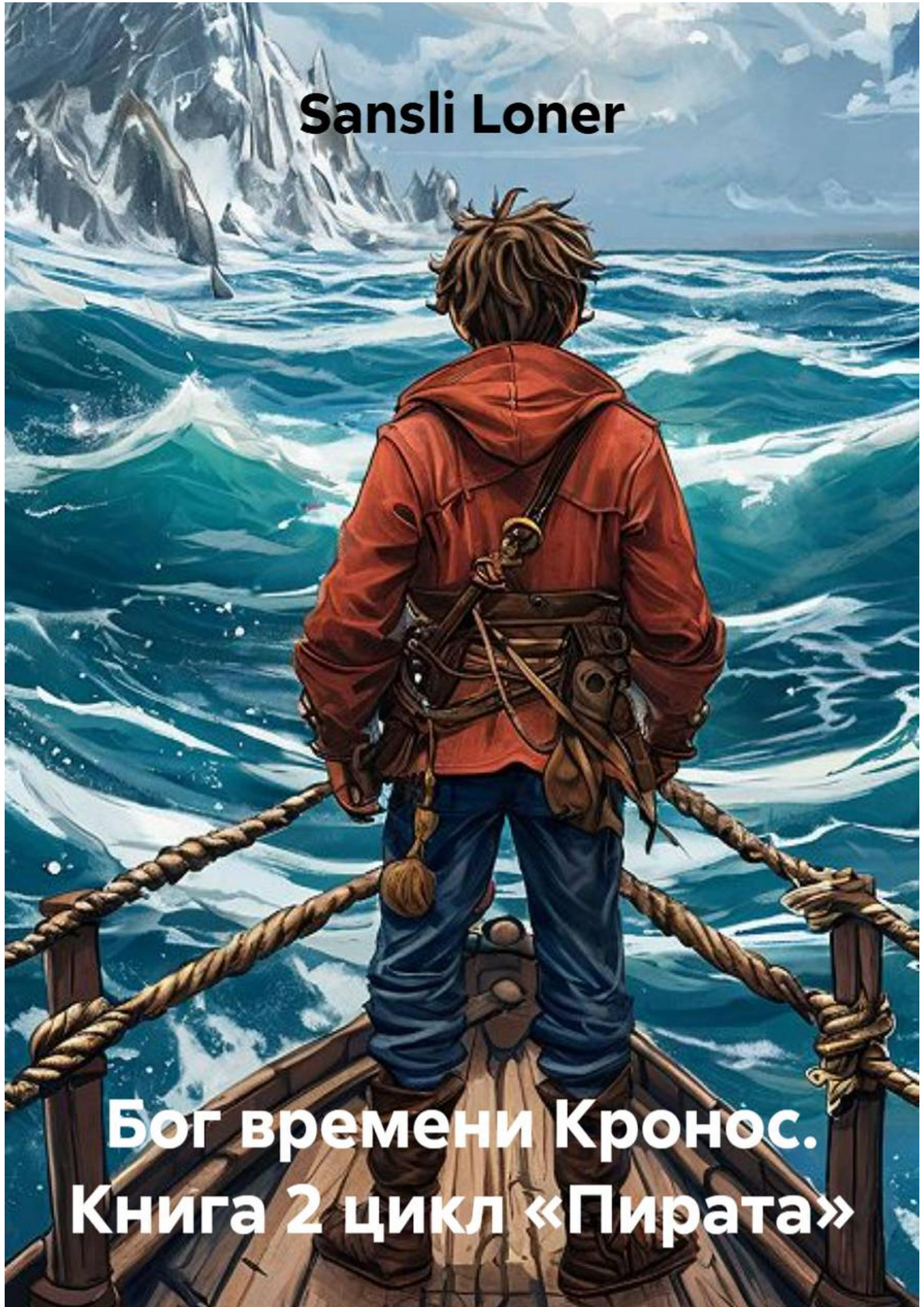

Sansli Loner

**Бог времени Кронос.
Книга 2 цикл «Пирата»**

Sansli Loner

**Бог времени Кронос.
Книга 2 цикл «Пирата»**

«Автор»

2026

Loner S.

Бог времени Кронос. Книга 2 цикл «Пирата» / S. Loner —
«Автор», 2026

Найти меня вы можно по псевдониму. Там много информации, о моей работе. В «Цикле 2» раскрывается путь мальчика, растущего на палубе корабля: от восторженного ребёнка, вяжущего первые узлы, до юноши, принимающего на себя тяжесть древней силы. Под наставничеством капитана он постигает, что истинная мощь — не в разрушении, а в умении держать курс сквозь штормы, беречь важное и оставаться собой, когда мир качается. История сплетает морскую сагу с магией: жертва юноши восстанавливает равновесие моря, а отголосок его силы неожиданно приходит на помощь Ледяной королеве в далёкой снежной битве — намекая на связь судеб и миров. Это рассказ о взрослении, ответственности и силе, которая рождается из верности своему слову.

© Loner S., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Корабль для охоты	6
Проверка корабля	8
Правка	10
Карта	12
Пять лет спустя	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Sansli Loner

Бог времени Кронос.

Книга 2 цикл «Пирата»

Пролог

Время — переплетение троп: шаг в одном мире отзывается эхом в другом. Море бьётся о скалы, стирая границы между силой и долгом; среди снежных вихрей холод впитывает солёный ветер, пришедший из-за тысячи вёрст.

В тёмные мгновения, когда реальность трещит по швам, древние силы пробуждаются по зову земли — как шторм, как метель, как песок под лапой дракона.

Мальчик сжимал горсть песка и шептал: «Я сберегу. Честно». Ледяная королева стояла в снежном вихре, чувствуя, как чужой ветер сплетает её холод с древней силой морской пучины. Между ними тянулась нить, связывающая битвы, клятвы и судьбы.

Эта история — не о сокровищах, а о верности слову, о силе, которая не ломает, а держит. О том, как обещание, данное в тишине верфи, может спасти целый мир.

Корабль для охоты

Верфь жила своим ритмом: каждый удар молота — расчёт, не спешка. Доски ложились плотно, без зазоров. На воде любая небрежность стоила дорого.

Капитан стоял у каркаса будущего корабля, водил ладонью по обводам шпангоута — проверял, насколько послушным будет судно в шторм.

— Не делай её большой, — тихо сказал он мастеру. — Мне не нужна крепость. Мне нужна стрела: быстрая, острая, чтобы проскользнуть там, где другие застрянут.

Мастер кивнул.

— Под команду в полсотни человек, — продолжил капитан. — Не больше. Пусть будет манёвренной. Если ветер сменится, я хочу, чтобы она повернулась раньше, чем враг поймёт, что мы уже не там.

Вокруг сновали рабочие: подгоняли доски, смолили канаты, проверяли крепления. И среди этой собранности мелькал маленький вихрь.

Мальчик носился между ног плотников, хватал щепку, тут же ронял, мчался дальше. Ворвался к отцу, запыхавшийся, с горящими глазами, сунул под нос обломок доски:

— Смотри! Это нос корабля! Только без паруса!

Капитан чуть наклонился, сдерживая улыбку:

— Да, нос неплохой. Но парус ему пока рано. Сначала надо, чтобы сам корабль умел держаться на воде.

— А он умеет? — мальчик прижался к борту. — Он уже дышит?

— Почти, — спокойно ответил капитан. — Ещё немного гвоздей, ещё немного смолы — и начнёт.

Мальчик тут же кинулся искать «ещё немного»: схватил горсть щепок, прижал их к доске:

— Так? Так надо?

Плотник хмыкнул:

— Тут молотком надо. Да и щепки никуда не годятся.

Но мальчик не расстроился. Нашёл бечёвку, размахивая ею, как флагом:

— Тогда я привяжу! Крепко-крепко! Пап, можно?

Капитан присел на корточки:

— Можно. Но не просто так. Узел должен держать не силой, а умом. Покажи, как ты вяжешь тот, что я тебе вчера показывал.

Пальцы путались, узел разваливался, мальчик вздыхал и начинал заново. И вдруг петля легла ровно.

— Получилось! — он вскинул голову. — Видишь? Крепко!

— Крепко, — подтвердил капитан и кивнул плотнику: — Дай ему клин. Пусть закрепит. Только ровно. Если будет криво, он не удержит доску, когда море начнёт качать. Мальчик старательно приладил клин, то прижимал, то подталкивал, проверял.

— Ну как? — отскочил на шаг. — Теперь он точно полетит?

Капитан выпрямился, глянул на обводы корабля, потом на сына:

— Если всё будет так же крепко, как твой узел, — да. Она будет летать. Не плыть — летать.

К вечеру очертания судна стали чётче — изящный силуэт, как клинок, готовый к броску. Капитан обошёл его по кругу, проверяя линии.

Солнце опустилось к горизонту, окрасив доски в тёплый медовый цвет. Мальчик плюхнулся на опилки рядом с отцом, вытянул ноги:

— Я устал, — выдохнул он, но тут же оживился: — Но это хороший усталый! Как будто я целый корабль строил!

Капитан усмехнулся, опустил руку ему на плечо:

— Ты и правда помогал. Без тебя тут было бы тише. А кораблю нужен шум. Он от него растёт.

— Правда? — мальчик сел ровнее. — Тогда я завтра ещё громче буду!

Он сунул руку в карман, нащупал горсть песка — тёплого, шуршащего. Песок дремал, древняя сила в нём ждала своего часа.

— А мы найдём сокровища? — спросил мальчик, глядя на отца снизу вверх. — Настоящие? С блёстками?

Капитан посмотрел на горизонт, где небо наливалось фиолетовым:

— Мы найдём то, что ищем. А сокровища бывают разными. Иногда самое ценное лежит не в сундуках, а в том, что ты берёшь с собой в путь.

Мальчик кивнул — голос отца звучал как правда. И где-то в кармане песок чуть потеплел, будто согласился.

А капитан, глядя на сына, видел того, кто научится сначала ставить ногу, потом поднимать руку. Кто поймёт, что сила — не в том, чтобы стоять насмерть, а в том, чтобы не рассыпаться, когда мир качается. Что самое надёжное крепление — это обещание, которое держишь крепко, даже если пальцы устали.

Именно эта собранность, эта привычка замечать мелочи и исправлять их по одной, позже спасёт их в бою. Когда на палубе зазвенит сталь, мальчик вспомнит: узел держит не силой, а умом. И самое ценное должно оставаться на месте.

Проверка корабля

Рассвет резко лёг на палубу, обнажая каждую линию корпуса и мелкие огрехи. Капитан стоял на носу и следил, как судно выходит на открытую воду. Никакой парадности — только проверка: пусть море само покажет слабые места.

— Держать курс на риф, но не ближе чем на кабельтов, — спокойно бросил капитан рулевому. — Пусть почувствует волну, но не испытает судьбу.

Корабль отзывался мелочами. Палуба чуть поскрипывала там, где доски легли неровно. Люк на корме при качке цеплялся краем и не закрывался плотно. Парус ловил ветер не так гладко — будто цеплялся за воздух вместо того, чтобы скользить.

Капитан отмечал недочёты спокойно, как рыбак замечает рябь на воде.

— Вижу, — тихо сказал он, когда боцман указал на скрип у шпангоута. — Подтянем. И люк переделаем: нужна прокладка. Не хотим, чтобы вода нашла лазейку.

Рядом мелькал мальчик. Качка его не пугала — она была частью игры. На каждый крен он радостно выдыхал «О!» и хватался за поручень, будто так и было задумано.

В отсеке, за ящиком с бухтами верёвок, он заметил мешочек из грубой ткани — поношенный, но крепкий, с потрёпанным шнурком. Тут же схватил его, встряхнул и решил: это будет сумка для сокровищ. Вспомнив про песок в кармане, аккуратно пересыпал горсть в мешочек. В миг, когда последняя крупинка скользнула внутрь, мальчик почувствовал лёгкое тепло — будто мешочек на мгновение стал теплее. Он замер, приложил его к щеке, проверяя, не показалось ли. Тепло ушло, оставив лишь чувство, что он сделал что-то важное.

— Пап! — подбежал он к отцу, прижимая мешочек к груди. — Смотри, я нашёл сумку! Теперь мой песок будет в надёжном месте!

Капитан чуть наклонился, в его взгляде мелькнуло тихое признание: для сына эта мелочь — настоящее дело.

— Хороший выбор, — кивнул он. — Вещи должны лежать там, где им спокойно.

Мальчик спрятал мешочек за пояс, чтобы руки снова были свободны.

Море продолжало проверять корабль. Волна била в борт чуть резче, чем ожидалось, а судно пружинило, пробуя силу воды на вкус.

— Чуть больше угла на руле, — скомандовал капитан, и корабль послушно срезал волну.

Боцман хмыкнул:

— Не идеально, но пойдёт. Ещё пара штрихов — и будет летать, как ты хотел.

Капитан кивнул. Он знал: идеальный корабль рождается не в чертежах, а в таких выходах — когда море показывает зубы, а ты отмечаешь, где подтянуть, где подложить, где перевязать.

К полудню они вернулись к берегу. Команда без суеты разбирала недочёты: снимали люк для прокладки, подтягивали крепления, искали источник скрипа. Мальчик приносил обрезки верёвки, подавал мелкие инструменты, время от времени проверял, на месте ли мешочек с песком.

Когда солнце клонилось к закату, капитан подошёл к сыну и положил руку ему на плечо:

— Сегодня мы узнали, где корабль ещё не готов. Но это хорошо: теперь знаем, что чинить.

— А я свой песок пересыпал, — важно сообщил мальчик. — Теперь он в надёжной сумке.

Капитан чуть склонил голову, будто принимая этот вклад наравне с остальными:

— Значит, самое ценное у нас в порядке. Остальное подправим.

Позже, укладывая сына спать, он задержался у двери и тихо сказал:

— Знаешь, иногда самое надёжное крепление — это не гвоздь и не смола. Это когда вещь ложится туда, где ей спокойно, и остаётся там.

Мальчик кивнул, запоминая интонацию.

— И я буду беречь, — прошептал он, прижимая к себе мешочек, уже почти засыпая.

Капитан улыбнулся уголком губ и вышел, прикрыв дверь.

А на верфи плотники продолжали работу: меняли доски, ставили медные заклёпки, подгоняли новые планки, чтобы сбросить лишний вес. Боцман, проходя мимо, кивнул на люк:

— Завтра двойная прокладка будет готова. И скобы новые поставим.

— Хорошо, — ответил капитан. — Пусть будет не крепость, а стрела.

Правка

На верфи теперь не строили — чинили. Каждый удар молота ложился точно в цель.

Капитан ходил вдоль борта, отмечая мелочи: где подтянуть, где переложить доску, где добавить слой смолы.

— Люк переделаем, — кивнул он плотнику. — Двойная прокладка. И скобы на палубе заменить: те чуть люфтят, а нам нужна жёсткость.

Плотник хмыкнул с уважением:

— Сделаем. Ещё и легче сделаем: снимем пару досок с внутренней обшивки, поставим тонкие, но прочные. Держат не хуже, вес сбросим.

Капитан чуть склонил голову:

— Вот это мне и нужно. Не крепость, а стрела. Пусть будет быстрее, чем вчера.

Работа шла ровно: снимали старые доски, подгоняли новые, смолили канаты. Корабль будто подсказывал, что ему нужно — убавить веса здесь, добавить прочности там.

Боцман подошёл с куском лёгкого дерева:

— Если заменить эти планки, сбросим ещё несколько пудов. Скорость вырастет.

Капитан провёл ладонью по древесине, проверяя плотность, и кивнул:

— Ставь. И проследи, чтобы крепления были на медных заклёпках. Медь не ржавеет, а нам в дальние воды идти.

Судно становилось легче, собраннее. Каждый убранный недочёт приближал его к задуманному: быстрый, юркий, способный проскользнуть там, где другие застрянут.

В маленьком доме на окраине порта стояла тишина. Мама лежала на узкой кровати под старым шерстяным пледом — лицо бледное, даже сесть было тяжело. Рядом хлопотала бабушка: наливала отвар, поправляла подушку.

Мальчик сидел у кровати, старался быть полезным. Принёс маме маленькую чашку, до блеска вытертую:

— Держи. Я всё хорошо помыл. Там вкусно!

Мама слабо улыбнулась, коснулась его руки:

— Спасибо, солнышко. Ты самый лучший помощник.

Он пододвинул стул, сел поближе, взял её ладонь в обе руки:

— Ты только лежи. Бабушка всё сделает, а я буду тут. Я не уйду.

Бабушка чуть кивнула ему — в этом кивке была благодарность.

Потом мальчик достал из-за пояса мешочек, подержал в руках и протянул маме:

— Возьми. Там мой песок. Он тёплый. Пусть он тебе поможет, ладно?

Мама приняла мешочек, прижала к груди. На миг ей стало чуть легче.

Она улыбнулась уже не так слабо, погладила сына по голове:

— Спасибо, мой хороший. Мне и правда стало чуть легче. Это от твоей заботы.

Мальчик кивнул:

— Я же говорил. Он тёплый.

Бабушка тихо поставила чашку на стол:

— Посиди с ней ещё немного. Я пока приберусь.

И мальчик остался. Держал мамину руку и тихо рассказывал про корабль, про то, как помогал отцу, про мешочек и песок.

К вечеру капитан вернулся домой. Вошёл тихо, снял сапоги у порога, остановился в дверях. Сел на край кровати рядом с сыном, положил руку ему на плечо. Мальчик тут же прижался к нему.

— Сегодня мы сделали корабль чуть лучше, — тихо сказал капитан, глядя на жену. — Сбросили лишний вес, укрепили крепления. Теперь он будет быстрее.

Мама чуть улыбнулась:

— Рада за тебя. И за него. Он сегодня столько помогал... даже мешочек с песком мне принёс. Сказал, что он тёплый и пусть поможет.

Капитан посмотрел на мешочек у неё на груди. В его взгляде мелькнула тень тревоги — и тут же исчезла.

— Он знает, что важно, — произнёс он. — Иногда самое сильное оружие — это забота.

— А завтра опять на верфь? — тихо спросил мальчик.

Капитан улыбнулся — по-настоящему, впервые за день:

— Завтра опять на верфь. Но сначала — сюда. Проверим, как тут дела.

И в этот вечер тишина в доме уже не была тяжёлой. Мальчик понял: быть сильным — значит не только помогать забивать гвозди. Иногда быть сильным — просто сидеть рядом и держать чью-то руку.

А капитан, выходя из дома, ещё раз оглянулся на дверь и тихо подумал: «Пусть будет не крепость, а стрела. И пусть мы всегда успеем вернуться».

Карта

В таверне, пропахшей смолой и мокрым деревом, капитан принял потёртый свиток. Лоцман коротко обронил:

— Там, за дальними рифами, дикие земли. Говорят, в руинах лежит сабля из металла, что не тупится, да сапоги с перчатками, будто сотканными из ветра. Но не ради вещей плывут туда — ради того, чтобы знать: есть на свете нечто большее, чем привычный порядок.

Капитан провёл ладонью по стигбу карты, будто взвешивая саму возможность пути. В голове всплыли слова с верфи: «Не крепость, а стрела. Пусть будет быстрее, чем вчера». Именно такой корабль им и нужен — чтобы уйти от лишнего, сбросить силы и вернуться.

— Далеко, — тихо сказал он. — И не всем дано туда дойти.

Лоцман лишь кивнул и отошёл, оставив капитана наедине с крестиком на краю карты — с точкой, где мир будто обрывался в пустоту.

Капитан свернул свиток и сунул его за пазуху. Не было восторга — только тяжесть ответственности. Она вела его не к трюму и не к отчётам боцмана, а домой. Прежде чем обещать морю новый курс, нужно было посмотреть в глаза тем, кто останется ждать.

В маленьком доме на окраине порта тишина стала окончательной. Мама больше не смотрела в окно, не принимала отвар, не улыбалась свету. Бабушка сидела у окна — прямая, будто сама держала эту тишину.

Мальчик стоял у изголовья, прижимая к груди мешочек с песком. Тот самый, который он нашёл за ящиком с бухтами, пересыпал в него песок и почувствовал лёгкое тепло. Потом принёс маме, уверенный, что он тёплый и пусть поможет. Теперь прижимал его к груди, будто хотел удержать хоть что-то неизменное.

— Мама, — шёпотом проговорил он. — Я сберегу это для тебя. Честно.

Бабушка опустилась рядом, обняла его одной рукой:

— Ты всё делаешь правильно, мой хороший.

Когда капитан вошёл, он сразу увидел эту хрупкую опору из двух фигур — старой и маленькой. Не стал говорить про карту сразу. Сел рядом, положил руку сыну на плечо. Мальчик тут же прижался к нему.

Капитан посмотрел на бабушку — на её усталые, спокойные глаза. И достал тяжёлый кожаный мешочек. Золото глухо звякнуло, когда он положил его перед ней.

— Спасибо тебе, — просто сказал он. — За то, что была рядом до конца. Это малое — за большую заботу.

Бабушка чуть склонила голову:

— Берегите мальчика. Это самое главное.

Капитан кивнул.

Потом повернулся к сыну:

— Мне дали карту. Она ведёт туда, где, может быть, лежат вещи, в которые никто не верит. Легенды говорят о сабле, что не тупится, и сапогах из ветра... но мы поплывём не за ними. Мы поплывём, чтобы помнить: даже в самых диких землях есть место для чего-то настоящего. И чтобы ты знал: мы не бросаем то, что дорого.

Мальчик поднял на него глаза, в которых ещё стояла тихая боль, и крепче прижал мешочек:

— Я сберегу. Для мамы.

— Знаю, — тихо ответил капитан. — И я помогу тебе.

К вечеру корабль готовили к дальнему пути. Плотники крепили лёгкие планки на медных заклёпках, матросы перебирали снасти, проверяли крепления. Работа шла собранно, без криков.

Боцман подошёл к капитану, кивнул на новые планки:

— Лёгкие, как ты хотел. Держат крепко. И вес сбросили — как раз чтобы ветер лучше слышать.

Капитан провёл рукой по кромке доски, вспоминая, как отмечал каждый скрип, каждый люфт. Теперь эти исправления складывались в единую логику: убрать лишнее, подтянуть нужное, оставить только то, что держит.

— Хорошо, — кивнул он. — Пусть будет не крепость, а стрела.

А мальчик сидел в углу, держал мешочек и шептал, будто мама могла услышать:

— Я сберегу. Честно.

Время от времени он касался шнурка, проверяя, на месте ли он. Этот жест был таким же привычным, как и уроки: сначала нога, потом рука; ищи опору; смотри не на клинок, а на тело. Он пока не знал, что эти простые правила однажды помогут ему стоять твёрже, чем любой доспех.

И в этой детской клятве было больше силы, чем в любых легендах о волшебных сапогах и саблях. Потому что она была настоящей..

Пять лет спустя

Путь к дальним землям шёл в ритме океана — в нём успеваешь заметить и опасность, и красоту. Курс держали по карте, но она не знала рифов на отмелях, чужих парусов за туманом и переменчивого ветра.

Иногда на горизонте появлялись флаги других охотников за сокровищами. Случались короткие стычки: скрип такелажа, свист ядер, звон стали. Но капитан не гнал корабль в гущу боя. Если опасность становилась слишком большой, спокойно приказывал:

— Отходим. Держим дистанцию.

Все на борту знали: у них есть ценность дороже золота. Пятилетний мальчик уже не носился без оглядки — сперва смотрел на отца и только потом делал шаг. Его берегли не из слабости: в жестоком мире особенно важно беречь по-настоящему ценное.

На верфях капитан проверял, как корабль перенёс бой, пока плотники латали пробоины, а конопатчики проходили по швам. Мальчик держался рядом: подавал инструмент, если просили, молча наблюдал. Он уже понимал разницу между «быстро» и «точно»: видел, как боцман не бьёт молотом с размаху, а примеривается, как плотник не торопится пригнать доску, пока не убедится, что она легла ровно.

Он по-прежнему носил мешочек с песком — не как игрушку, а как вещь со смыслом. В напряжённые минуты сжимал его в ладони и шептал:

— Я сберегу. Честно.

В этих словах не было бравადы — только упрямое детское обещание, которое помогало держаться.

Однажды в тихой бухте, пока корабль чинили, мальчик подошёл к отцу у фальшборта:

— Мы ведь не ради сабли плывём, правда?

Капитан чуть склонил голову, будто взвешивал, готов ли сын услышать ответ:

— Не ради неё. И не ради сапог, что будто дают силу. Мы плывём, чтобы знать: есть вещи, которые нельзя купить и нельзя потерять. Как твоя клятва. Как этот мешочек. Как то, что мы не бросили по дороге.

Мальчик кивнул — не по-детски, а так, будто действительно понял:

— Тогда ладно. Тогда я не боюсь.

С того дня капитан стал давать ему маленькие, но настоящие задачи — не «подай-принеси», а «посмотри и скажи»:

— Видишь, как парус ловит ветер? Он не рвётся вперёд, он скользит. Так и мы: не лопимся, а чувствуем.

И мальчик учился чувствовать: замечать, где парус чуть цепляется за воздух, где палуба отзывается скрипом, где волна бьёт резче, чем ожидалось.

— Сначала опора, — повторял капитан, когда они отрабатывали стойку на качающейся палубе. — Потом уже шаг. Сначала нога, потом рука. Учись не рассыпаться.

Это было не про бой — пока. Это было про то, чтобы в шторм, в стычке, в любой суматохе оставаться собой и не терять того, что важно.

Как-то раз, когда на горизонте показались чужие паруса, капитан скомандовал:

— Держим дистанцию. Пусть ветер будет нашим союзником.

Корабль лёг на новый курс, мягко уходя от столкновения. Мальчик стоял рядом — не мешая, но и не прячась. Он видел, как отец не торопится, как выбирает угол, как даёт волне пройти под бортом, а не биться в него. И в этот миг понял: сила не в том, чтобы стоять насмерть, а в том, чтобы знать, где твоя опора, и не терять её.

К ночи они снова выходили в море. Паруса ловили ветер, нос корабля резал волну. Путь тянулся дальше — не прямой стрелой, а живой линией: каждая остановка, каждый бой, каждое отступление были частью дороги. Дороги, которую шли не ради сокровищ, а ради того, чтобы мальчик вырос человеком, который умеет беречь.

А мешочек по-прежнему висел у него на поясе. Иногда, когда становилось тревожно, он касался шнурка, убеждался, что тот на месте, и тихо повторял:

— Я сберегу. Честно.

И это было не заклинание, а обещание, прошитое пятью годами пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.